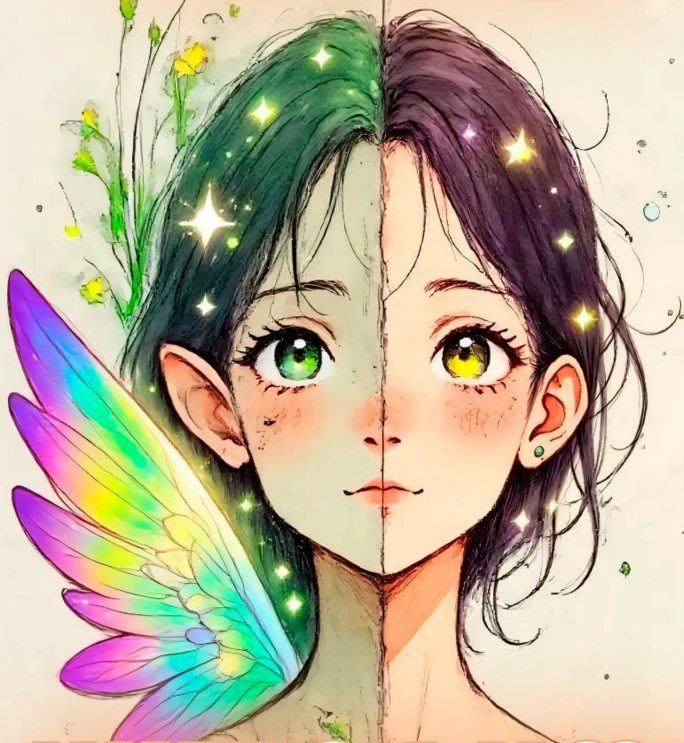

АНГЕЛИНА ГОЛУБЕВА

ЧУЖОЕ ИМЯ

ИСТОРИЯ ПОСЛЕДНЕГО МОСТА

Ангелина Голубева

Чужое имя: История последнего моста

<https://litres.ru/74039654>

SelfPub; 2026

Аннотация

Есть место, где фея пьёт росу с утренней тоской, горгулья прячет под крылом детский ботинок, а эльф три дня не прикасается к еде. Это кафе Древа — последний мост между магией и людьми. Через семь дней мост рухнет.

Каждый должен выбрать: остаться человеком навсегда — помнить, но не быть собой; или уйти в магию, потеряв человеческое. Середины нет.

Никто не знает, кто скрывается за соседним столиком в реальной жизни. А там их связывает не магия, а общая боль: врач, отказавший пациентке, и она сама; судебный пристав, изымающая детей, и психолог; продюсер, делающая музыку товаром, и уличный скрипач; фитнес-тренер и бодипозитив-блогер, чьи взгляды на тело непримиримы.

Семь дней, чтобы влюбиться. Семь дней, чтобы узнать друг друга. И одна правда на рассвете седьмого дня, когда маски упадут — и выбирать придётся не только между мирами, но и между

ненавистью и любовью. Не все решатся. Не все простят. Не все останутся людьми.

Содержание

Глава 1. Тот самый вечер	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Ангелина Голубева

Чужое имя: История последнего моста

Глава 1. Тот самый вечер

Она вошла не через дверь — через щель между кирпичами, осыпав искрами подоконник с засохшей геранью. Искры упали на чугунный отлив, зашипели, тронув грязь, и погасли.

Внутри было тепло. Пахло нагретой корой, сухим мхом и чем-то сладковатым — словно глубоко под половицами гнили корни, но сдерживали себя из последних сил. Тепло было не от огня. Оно поднималось из щелей, из самой древесины, и казалось, что стены дышат — медленно, тяжело, как спящий зверь.

Фея сложила крылья — они звякнули, точно тонкий лёд. Сделала три шага по полу, где её отражения плясали вперемешку с тенями масляных ламп. Размером с ладонь, она источала свет — бледный, неровный, как у лампочки в старом подъезде, которая вот-вот перегорит. Под крыльями мерцали потёки пылицы — серебристой, с синевой. Настоящая феяская пыльца должна быть золотой. Её — синей.

— Каплю росы, — сказала она, подлетая к стойке. — С утренней тоской. И покрепче.

Бариста не обернулся. Он был частью комнаты: огромный ствол, уходящий в потолок, с лицом, проступившим сквозь кору, — не резьбой, а живым рельефом, который медленно менялся, пока никто не смотрел. Иногда казалось, что Древо улыбается. Иногда — что плачет. Сейчас оно было бесстрастно.

Руки-ветви перебирали чашки: фарфор, глина, человеческая кость, застывшая смола. Каждое движение отзывалось тихим шелестом — как старые страницы, которые листают без желания.

— Сегодня ты пахнешь дождём, — заметило Древо.

Фея фыркнула.

— Насквозь. Лей уже.

Древо протянуло чашечку из скорлупы грецкого ореха. Жидкость внутри пахла только что открытой форточкой и немного пылью. Фея выпила одним глотком. Крылья перестали дрожать. Она прижалась спиной к тёплому боку глиняной кружки на стойке и замерла.

— У тебя синяя пыльца, — сказала Древо, когда она допила. Не вопрос — утверждение.

— У всех бывает.

— Раньше была золотая.

— Раньше — не сейчас. — Фея отвернулась. Свет под крыльями мигнул и стал ещё бледнее.

В углу, у замшелой стены, сидел Серый эльф. Серебряные волосы падали на лицо. Перед ним стояла кружка из берёсты — пустая, с тёмным кольцом на дне; край треснул. Когда эльф шевельнулся, кружка звякнула о дерево — сухо, безнадёжно.

Он не смотрел ни на кого. Пальцы лежали на столе — длинные, с желтоватыми ногтями — и чуть дрожали. Не от страха. От усталости.

— Ты не ел три дня, — сказала Древо, не поворачиваясь.
— Не хочется.

Ветвь Древа вытянулась и замерла над столом. Листья на ней скрутились, пожелтели.

— Твоё тело — не единственное, что можно исцелить.

Эльф поднял голову. Одно ухо обломано — как у старого кота, который много дрался. Или много болел. Глаза светлые, но без блеска, как вода, в которой давно никто не отражался. Он ничего не ответил, просто смотрел, пока в кружку не упали два сухих листа. Они задымились, превратившись в тёмный отвар.

Эльф взял кружку, подержал в ладонях. Отвар пах землёй и горечью. Он выпил медленно, глоток за глотком — и поставил кружку на место. Ни слова благодарности.

— Придёшь завтра? — спросило Древо.

Эльф не ответил.

Стук когтей по камню. Фея вздрогнула, прижалась к кружке плотнее.

Горгулья вошла, пригнувшись, чтобы не задеть притолоку. Серая кожа лоснилась от дождя, на плечах — потёки, как разводы на старом бетоне. Она села на пол — стулья трещали — и обхватила голову лапами. Из-под крыла выскользнул детский ботинок: красный, с потёртым носком; шнурок развязан.

Горгулья машинально подобрала его, погладила когтем — нежно, так не гладят камни, — и положила на стойку.

— Настой тишины, — голос глухой, на последнем слоге сорвался в шёпот.

— Тишина кончилась вчера. Осталась только горечь.

— Давай горечь.

Чёрная жидкость потекла в кубок из корня. Пар пах полыню и чем-то металлическим. Горгулья выпила залпом, зажмурилась. Плечи опустились. Она прижала кубок ко лбу и замерла так на несколько ударов сердца.

Фея, всё ещё у кружки, не выдержала:

— Лучше?

Она не должна была спрашивать. Каменные и крылатые не разговаривали — но сегодня всё трещало по швам.

Горгулья открыла глаза. Пустые. Не боль — отсутствие.

— Лучше.

Фея хотела спросить про ботинок. Не спросила.

— Зачем ты носишь его с собой? — спросило Древо. Тихо. Без осуждения.

Горгулья долго молчала.

— Чтобы не забыть.

— Забыть что?

— Что я сломала не только себя.

Она убрала ботинок под крыло и замолчала.

Последним пришёл Голем. Каждый шаг — глухой удар в доски, которые не гнулись только потому, что Древо держало их изнутри. Фея чувствовала, как пол напрягается, словно живой. Голем был огромен — тёмный базальт, жилы расплавленного металла в груди. При каждом движении угли внутри потрескивали. От него пахло горячим камнем и ещё — чуть-чуть — сухим хлебом, который только что вынули из печи.

Он замер у стойки. Долго смотрел на Древо.

— Уголь, — сказал наконец. Голос как камнепад, но с неожиданной робостью.

Древо протянуло ветку с чёрным камнем — уголёк из погасшего костра. Голем взял его осторожно, засунул в щель между плитами живота. Ядро в груди разгорелось ярче, затрещало веселее. По базальту пробежали оранжевые прожилки — ненадолго, на одно дыхание.

— Спасибо.

Он улыбнулся. Базальт треснул на щеках, посыпалась крошка, но глаза стали мягче. Голем отошёл в сторону и сел на корточки у стены, сложив огромные руки на коленях.

Фея вдруг подумала: «Он похож на дом, который забыли закрыть».

В кафе стало тише, чем обычно. Дерево молчало, и эта тишина была тяжелее, чем любой разговор.

Оно кашлянуло — сухо, древесно, и из коры посыпалась труха.

— Друзья, — сказала Дерево.

Тишина стала полной. Даже угли в груди Голема замерли. Даже фея перестала перебирать крыльями.

— Я редко говорю. Но сейчас слушайте.

Дерево помолчало. Листья зашуршали, хотя сквозняка не было. Ствол чуть наклонился вперёд — как человек, который собирается сказать что-то, после чего уже ничего не будет как прежде.

— Мои корни гниют. Соки уходят. Я держал это место семьсот лет, но больше не могу.

— Что значит «не можешь»? — голос феи дрогнул.

— Через семь дней кафе закроется.

Сначала никто не закричал. Тишина стала ещё плотнее, если такое возможно. Эльф медленно поставил кружку на стол — без единого звука. Горгулья прижала ботинок к груди обеими лапами, и красный носок уткнулся ей в подбородок. Голем не шевельнулся. Фея выпустила из ладоней пучок синей пыльцы — он рассыпался и погас, не долетев до пола.

— Вы должны решить, — продолжало Дерево. — Оставайтесь в людском мире навсегда. Вы будете помнить, кто вы. Но больше не сможете обернуться в свой истинный облик. Магия в вас уснёт — навсегда. Вы станете только людьми.

Или вернётесь в магический мир. Тот, откуда когда-то ушли.

— А если мы не выберем? — спросил эльф. Впервые за вечер его голос прозвучал ясно. И в нём была не усталость — почти злость.

— Тогда выберу я.

Голем сжал кулак. По стенам побежали трещины, тонкие, как волос. Пустая чашка скатилась со стойки — Дерево поймало её веткой, не глядя.

— Ты не имеешь права, — глухо сказал Голем.

— Я последний мост. — Дерево не повысило голоса. — Когда я рухну, моста не будет. Вы либо станете людьми до конца, либо вернётесь в магию навсегда. Середины больше нет. Я не выбираю — я только направляю.

— Направляешь? — эльф усмехнулся. Сквозь усмешку проступила боль. — Ты поставил нас перед выбором, которого не должно было случиться. И называешь это «направлять»?

— А что бы ты предложил? — тихо спросило Дерево.

— Ничего. Я давно ничего не предлагаю.

Горгулья поднялась. Взяла ботинок, спрятала под крыло.

— Значит, ты всегда выбирал за нас, — сказала она. — Просто раньше мы этого не замечали.

Дерево не ответило. Листья, скручиваясь, падали на пол один за другим. Каждый лист, касаясь досок, издавал едва слышный вздох.

— Семь дней. — Голос Древа стал ниже. — Приходите

каждый вечер. Ищите ответы. Ищите друг друга. Ищите то, что потеряли. У вас мало времени. У меня — ещё меньше.

Фея больше не могла сидеть на месте. Она вспорхнула, оставляя за собой мерцающий след — синий, короткий, почти сразу гаснущий. И полетела не к выходу, а к столу эльфа.

Опустилась на край, где дерево было стёрто до гладкости чужими локтями. Эльф смотрел на свои руки. В свете ламп они казались прозрачными.

— Ты плачешь? — спросила она.

— Нет.

— Врёшь.

Она не стала ждать ответа. Отцепила от крыла крошечный шарик — светлячка из собственной пылицы, тёплого и живого. Пыльца на этот раз была золотой — редкий остаток того, что когда-то было нормой.

Светлячок поднялся на пару сантиметров и повис, освещающая обломанное ухо эльфа мягким золотом.

— Это тебе.

Эльф поднял глаза. В них впервые за вечер появилось что-то, кроме пустоты. Удивление? Фея не умела читать чужие лица — она даже свои чувства понимала через раз. Но светлячок переливался, и эльф не отводил взгляда.

— Зачем? — спросил он тихо.

— Не знаю, — честно сказала фея. — Просто.

Она улетела. Не оглядываясь. Крылья звенели, как тонкий лёд, но звук был другой — легче, что ли.

Эльф долго смотрел на светлячка. Пальцы чуть шевельнулись, но он не прикоснулся. Дыхание стало глубже. Осторожно, словно боясь спугнуть, он подвинул кружку так, чтобы светлячок висел ровно над центром стола.

Горгулья, уже у выхода, обернулась. Посмотрела на светлячка, потом на эльфа. Ничего не сказала. Выходя, придерживала дверь для Голема, который всё ещё сидел у стены, уставившись в одну точку.

— Идёшь? — спросила она.

— Сейчас.

Голем поднялся медленно. Подошёл к Древу, положил ладонь на ствол. Базальт и кора — разное дерево, разный камень. Но Голем постоял так несколько секунд, и Древо не отстранилось.

— Прости, — сказал Голем.

— За что?

— Что не смог помочь.

— Никто не смог бы, — ответило Древо.

Голем ушёл. Тяжёлые шаги затихли за дверью, и стало совсем тихо.

Ветви Древа опустились ниже. Листья скручивались, как старые письма, которые никто не прочитал. Лампы мигнули, и по полу пробежала тень, которой раньше не было. Она была похожа на человека, который очень устал стоять и медленно оседал на землю.

Древо осталось одно. Светлячок всё ещё висел над столом

эльфа, золотой и живой.

— Ты не улетел, — сказала Древо. Не светлячку — себе. Светлячок качнулся, как будто пожал плечами.

— Помоги им, — шепнуло Древо. — У меня ничего не осталось. Только ты.

Светлячок метнулся в темноту. За ним остался след — золотая нить, которая истончалась и исчезала через несколько секунд. Но свет в конце коридора, где кафе соприкасалось с внешним миром, горел чуть дольше, чем обычно.

Древо закрыло глаза. Кора на стволе треснула ещё в одном месте, и из трещины вытекла капля смолы — янтарная, прозрачная, пахнувшая столетиями.

Кафе ждало утра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.